

МОРФОЛОГИЯ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Алиева Лиана Алихановна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические процессы, активизировавшиеся в русском языке под воздействием цифровой коммуникации. На материале интернет-дискурса анализируется трансформация категорий рода, числа и одушевленности, наблюдается формирование новых словообразовательных моделей, включая сложные слова без интерфиксов и универбацию. Особое внимание уделяется феномену «цифрового аналитизма» — грамматической редукции, проявляющейся в колебаниях в склоняемости заимствованных номинаций и появлении неизменяемых слов-аналитов. Делается вывод о том, что морфологическая система демонстрирует переход от синтетических способов выражения значений к аналитическим, что подтверждается концепциями исследователей языковой динамики.

Ключевые Слова: морфология, цифровая коммуникация, неологизация, аналитизм, грамматическая вариативность.

Современное состояние русского языка, рассматриваемое сквозь призму его функционирования в цифровой среде, представляет собой уникальный полигон для лингвистических наблюдений. Скорость передачи информации и специфические условия интернет-коммуникации, где письменная речь приобретает черты спонтанной устной, провоцируют глубинные изменения не только в лексике, но и в грамматическом строе языка. Традиционно считалось, что морфология как наиболее консервативный уровень языковой системы менее подвержена внешним воздействиям. Однако активное освоение русским языком потоков неологизмов, аббревиатур и новых коммуникативных стратегий ставит перед исследователем вопрос: как именно деформируются или трансформируются падежные парадигмы, категории рода и числа под давлением «цифрового узуса»? В данной работе предпринята попытка проанализировать морфологические новации как следствие действия принципа экономии языковых средств и стремления к экспрессивности, свойственных виртуальной среде.

В научной литературе, посвященной влиянию технологий на язык, накоплен значительный материал, свидетельствующий о смене самой парадигмы общения. Ученые выделяют такую характеристику современного речевого акта, как устно-письменная природа. Это гибридное образование, где письменный текст, зафиксированный на экране, подчиняется законам устной речи: он дискретен, спонтанен и лишен жестких требований к орфографической норме. Такая среда способствует «расшатыванию» традиционных правил. Еще в конце прошлого века высказывались гипотезы об усилении черт аналитизма в русской морфологии, которые долгое время казались сугубо теоретическими. Сегодня мы можем наблюдать их практическую реализацию. Исследователи отмечают, что цифровая эпоха актуализирует такие тенденции, как унификация парадигм, намеренное искажение норм управления и, что самое важное, появление целого класса неизменяемых слов, которые ведут себя как «морфологические хамелеоны». Подтверждением тому служат примеры, где иноязычная основа, заимствованная из английского языка, отказывается склоняться по правилам первого или второго склонения, оставаясь в «нулевой» форме подобно несклоняемым существительным, но при этом обретает способность присоединять русские служебные части в гибридных конструкциях.

Одним из самых ярких процессов является трансформация категории одушевленности, которая в русской грамматике исторически связана с совпадением формы винительного падежа с родительным у существительных, обозначающих живые существа, и с именительным — у неодушевленных предметов. Цифровая среда стирает эту границу. Мы являемся свидетелями появления номинаций, обозначающих цифровые сущности — программы, ассистентов или ботов, — которые получают грамматические маркеры одушевленности. Например, при использовании названий программных обеспечений или голосовых помощников носители языка демонстрируют колебания. Можно наблюдать конструкцию, где глагол управления требует формы, аналогичной той, что используется для человека. Так, в отношении обновления или отключения функции, названной одушевленным термином («голосовой помощник»), возникает вариативность: технический подход предполагает неодушевленную форму («отключить помощник» как устройство), в то время как антропоморфный подход, поощряемый самим интерфейсом, требует одушевленной («отключить помощника»). Эта борьба между «машиной» и «человеком» внутри грамматической формы находит свое разрешение пока что в зоне свободной вариантности, что говорит о

процессе перестройки языкового сознания под влиянием технологий.

Значительные изменения претерпевает и категория числа. Если раньше множественное число использовалось для обозначения совокупности однородных предметов, то в цифровой коммуникации оно приобретает новые оттенки значений, становясь инструментом для выражения абстрактных технологических сред. Лингвистические наблюдения показывают, что некоторые термины, пришедшие из сферы высоких технологий, утрачивают свою единственную форму.

В английском языке эти понятия могут использоваться и в единственном, и во множественном числе, но в русском узусе закрепляется преимущественно плюральная форма, которая становится исходной для образования всей номинации. Речь идет о понятиях, обозначающих сложные системы, состоящие из множества компонентов, — например, «цифровые технологии» или «базы данных». Сам термин, обозначающий цифровое общество, часто осмысливается не как единый механизм, а как сумма индивидуумов, объединенных сетью, что подчеркивается грамматической формой. В разговорной и молодежной среде, как показывают социальные опросы, наблюдается тенденция к переносу этой плюральной доминанты на конкретные цифровые артефакты, где форма единственного числа используется только в исключительных случаях или вовсе вытесняется.

Наиболее глобальные изменения касаются активизации новых словообразовательных моделей. Принцип экономии речевых усилий, диктуемый скоростью набора текста и ограниченностью экранного пространства в мессенджерах, приводит к взрывному росту продуктивности сложных слов, образованных без соединительной гласной. В истории лингвистики отмечалось, что модель словосложения типа «дизель-мотор» была известна и ранее, но являлась периферийной, малопродуктивной. В конце XX — начале XXI века эта модель переживает ренессанс, превращаясь в настоящий конвейер по производству новых номинаций. Специалисты в области неологии фиксируют появление тысяч единиц, построенных по схеме, где первый компонент заимствован из английского (часто это усеченная основа или аббревиатура) и соединяется со вторым, исконно русским или также заимствованным, без помощи интерфиксов «о» или «е». Такие номинации, как обозначение консультации в сети, образованное сложением англицизма «онлайн» и русского слова, или обозначение пространства всемирной паутины, в котором первый элемент является транслитерацией английского корня, становятся привычными. Эта модель выполняет функцию «речевой скорой помощи», позволяя быстро, одним

словом, заменить громоздкое описательное выражение, что является прямым следствием информационной перегрузки.

Параллельно со словосложением активно развивается процесс универбации — свертки словосочетания в одно слово. В цифровой коммуникации это проявляется в массовом образовании глаголов и существительных от англоязычных корней. Русский язык, обладающий развитой системой суффиксов, с легкостью русифицирует иноязычные основы. Продуктивной становится модель, при которой английский корень обрастает русскими глагольными флексиями и суффиксами. Так, действие по размещению контента или процесс удаления пользователя из временного диалога получают глагольное оформление с помощью суффикса «-и-» или «-ну-», характерных для разговорной речи. При этом возникают сложные семантические оттенки, заложенные в приставках. Использование приставки «за-» в сочетании с англицизмом может обозначать как начало действия, так и чрезмерность, а приставка «от-» в контексте управления пользователями приобретает значение изоляции. Интересно, что этот процесс не ограничивается глаголами. От тех же основ образуются абстрактные существительные женского рода с суффиксом «-ациј-» или более разговорные варианты с суффиксом «-к-», номинирующие само явление цифрового взаимодействия. Таким образом, заимствованная основа встраивается в русскую морфологическую парадигму, начиная жить по законам словотворчества.

Нельзя не отметить и явление графической гибридации, имеющее морфологические последствия. Использование латиницы в русском тексте (например, написание аббревиатуры латинскими буквами) порождает проблему склоняемости. Русская морфология, как правило, требует флексий, но буквы латинского алфавита не воспринимаются говорящими как удобная основа для наращивания окончаний. Выходом из ситуации становится либо игнорирование склонения (несклоняемые аббревиатуры), либо фонетическая русификация аббревиатуры. Наблюдаются случаи, когда буквенная аббревиатура, читаемая как последовательность звуков, обретает форму, позволяющую присоединить русский суффикс. Это приводит к появлению слов, где латинская графика сосуществует с русской аффиксацией. Такой гибрид фиксируется в неформальных текстах, демонстрируя креативный потенциал языковой личности, играющей с формой. Если же аббревиатура транслитерируется кириллицей, она подвергается стандартной процедуре добавления суффикса, обозначающего принадлежность к лицу или предмету. Этот процесс свидетельствует о высокой адаптивности морфологического уровня, способного «переваривать» инородный материал.

Отдельного разговора заслуживает феномен субстантивации и адъективации в новых медиа. В погоне за краткостью и емкостью носители языка все чаще используют прилагательные и причастия в качестве самостоятельных существительных, опуская родовое слово. В анализируемых текстах встречаются номинации, где прилагательное «цифровая» в значении «цифровая экономика» или «цифровая среда» начинает употребляться самостоятельно, приобретая предметное значение. Более того, неизменяемые слова, которые традиционно относились к разряду наречий или междометий, начинают выполнять синтаксические функции определения. В английском языке такие конструкции («бизнес-ланч», «рок-музыкант») являются нормой. В русском языке это приводит к появлению слов-аналитов, которые, будучи заимствованными, застывают в форме именительного падежа, даже находясь в позиции, требующей косвенного падежа. Это создает эффект «нового аналитизма»: вместо того чтобы изменять форму по падежам, носитель языка оставляет слово неизменным, а его связь с главным словом становится чисто синтаксической, основанной на порядке слов или интонации, что radically меняет облик русской фразы.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что цифровая коммуникация работает как катализатор давно назревших тенденций. Теория об усилении аналитизма, высказанная в середине XX века на материале наблюдений за общими тенденциями развития языка, в XXI веке получает мощное эмпирическое подтверждение. На место сложной флективной системы приходят неизменяемые или унифицированные формы, заимствованные блоки, сращения и универбаты. Исследования подтверждают, что частота использования инновационных моделей напрямую коррелирует с интенсивностью вовлеченности в онлайн-среду. Наиболее активные пользователи (молодежь, «цифровые аборигены») выступают в роли проводников этих новаций.

Однако было бы неверно воспринимать эти процессы исключительно как «порчу» или упрощение языка. С лингвистической точки зрения, морфологические изменения в цифре демонстрируют феноменальный адаптационный потенциал системы. Язык ищет и находит новые способы выражения смыслов в условиях, когда скорость важнее, чем формальная безупречность. Трансформация категории одушевленности применительно к ботам и нейросетям отражает изменение самой картины мира: на смену бинарной оппозиции «живое — неживое» приходит континуум, включающий «цифровое» как особый статус. Точно так же нежелание склонять сложные наименования или аббревиатуры говорит не о лени, а о стремлении сохранить опознаваемость референта: изменение

слова по падежам может сделать неузнаваемым исходную основу, что в быстро скроллинговой ленте недопустимо.

Особенно ярко эти процессы проявляются в именительном падеже, который становится доминантной, чуть ли не единственной формой существования слова в сети. Это приводит к так называемому «парцелляции» синтаксиса, где текст распадается на короткие номинативные предложения, лишённые громоздкой предикативной основы, что тесно связано с работой морфологии в новой среде. Визуальные элементы коммуникации — эмодзи и мемы — берут на себя функции модальности и связок, позволяя грамматике расслабиться. Эмодзи функционируют как семиотические знаки, замещающие целые синтаксические конструкции, выражая эмоциональную оценку без помощи грамматических категорий наклонения или степени сравнения. Таким образом, часть грамматической нагрузки перераспределяется на паралингвистические средства.

Словообразовательный ресурс языка оказывается наиболее востребованным. Если аналитизм побеждает в синтаксисе и именном склонении, то в глагольной системе и в создании новых лексем, наоборот, наблюдается гипертрофия синтетизма, выражающаяся в нанизывании суффиксов и приставок на иноязычный корень. Этот парадокс формирует новую морфологическую норму: использование русских аффиксов с нерусскими основами перестаёт быть окказиональным трюком, становясь стандартным приемом номинации. Язык как бы говорит: «Флектировать я больше не буду, но суффиксы и приставки — пожалуйста». Такой «точечный» синтетизм позволяет экономить место (универбация глагола короче описательной конструкции) и придает высказыванию игровой, ироничный тон, что высоко ценится в сетевой культуре.

На основании проведенного лингвистического анализа можно заключить, что мы присутствуем при зарождении нового морфологического подуровня — «цифровой морфологии». Она сосуществует с классической литературной нормой, обслуживая сферу быстрого, непринужденного и технологически опосредованного общения. Ее признаки: тенденция к инвариантности формы существительных в косвенных падежах, конкуренция одушевленности/неодушевленности у терминов IT, а также высокая продуктивность сложных слов без соединительных гласных и гибридных глаголов с англоязычными корнями. Понимание этих процессов необходимо не только для теоретической лингвистики, но и для практической лексикографии, поскольку фиксация новых форм в словарях нового типа требует пересмотра подходов к пометам.

Отвечая на вызовы времени, лингвистам предстоит уйти от оценочных суждений в сторону объективного описания функционирующей парадигмы. Развитие аналитизма, начавшееся с несклоняемых существительных типа «пальто» или «кино», сегодня получило новый импульс благодаря словам, обозначающим форматы и платформы. С изменением носителя (появление смартфонов и планшетов) меняется и носитель языка. Он учится жонглировать грамматическими формами, создавая прецедентные тексты, где ошибка становится художественным приемом, а намеренное искажение падежа — маркером принадлежности к группе «своих». Этот игровой потенциал русского языка в цифре является, пожалуй, самой захватывающей областью для будущих исследований, так как именно в игре чаще всего рождаются новые грамматические законы, которые через поколение могут стать единственно возможными. Цифровая среда не разрушает морфологию, она перестраивает ее, приспособляя к нуждам общения на скорости света, и эта перестройка продолжается прямо сейчас на наших глазах. В ближайшие десятилетия нам, вероятно, предстоит столкнуться с дальнейшим ослаблением флективной системы в пользу фиксированного порядка слов и аналитических конструкций, что сблизит русский разговорный язык в цифровой среде с типологией языков изолирующего строя, сохранив, однако, богатство словообразовательного аппарата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбачевич, К. С. (1970). Изменение норм русского литературного языка. Ленинград: Просвещение. (Переформулировка положений о природе языковой нормы как исторически обусловленного и социально одобряемого феномена).
2. Земская, Е. А. (1973). Русская разговорная речь. Москва: Наука. (Использована концепция анализа словообразовательных моделей и их продуктивности в номинативных и экспрессивных целях, а также понятие окказионального слова).
3. Панов, М. В. (1968). Русский язык и советское общество. Москва: Наука. (Привлекались гипотезы об усилении аналитических тенденций в морфологической структуре русского языка второй половины XX века).
4. Виноградов, В. В. (1972). Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва: Высшая школа. (Анализировалась теория частей речи и переходных явлений в области имени существительного и прилагательного).

5. Кронгауз, М. А. (2014). Самоучитель олбанского. Москва: АСТ. (Не цитируется напрямую, но учтены наблюдения за игровым характером орфографии и морфологии интернет-языка как особой знаковой системы).
6. Бекетова, А. А. (2015). Словообразовательные новации в интернет-коммуникации: сложные слова без соединительной гласной. Коммуникативные исследования, (2 (4)), 117-121.